

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г.
ЧЕРНЫШЕВСКОГО»**

АНТОНЧИКОВА ВЕРОНИКА АЛЕКСАНДРОВНА

**Определение момента начала жизни эмбриона и его значимость при
квалификации убийства или причинения смерти по неосторожности**

Направление подготовки 40.03.01 – «Юриспруденция»
юридического факультета СГУ им. Н.Г.Чернышевского

Автореферат бакалаврской работы

Научный руководитель
доцент, канд. юрид. наук профессор
кафедры уголовного
права и криминологии

_____

Ф.А. Вестов

Зав. кафедрой уголовного
права и криминологии
к.ю.н, доцент

_____

Е.О. Глухова

Введение. Определение момента начала жизни эмбриона представляет собой одну из наиболее сложных и дискуссионных проблем современного права, что связано с пересечением в данном вопросе биологических представлений о формировании человеческого организма, философско-этических концепций человеческого существования и уголовно-правовых критериев начала жизни. От корректного определения момента возникновения права на жизнь зависит не только научная трактовка статуса человеческого зародыша, но и практическая квалификация деяний, повлекших гибель человека, что придаёт данной проблематике высокую социальную и юридическую значимость.

Актуальность исследования обусловлена совокупностью факторов. Во-первых, сохраняется противоречие между биологическими, юридическими и этическими подходами к определению момента начала жизни, что приводит к неоднозначности правоприменения в различных правовых системах. Во-вторых, установление критериев уголовно-правовой охраны жизни является ключевым для квалификации преступлений против жизни, включая убийства и общественно опасные деяния в форме причинения смерти по неосторожности, а также деяния, затрагивающие жизнеспособность или развитие эмбриона. Наконец, стремительное развитие медицинских и репродуктивных технологий расширяет возможности воздействия на человеческий зародыш на ранних стадиях его развития, в связи с чем в научном сообществе все чаще выдвигаются идеи об обновлении уголовно-правовых критериев защиты жизни и введении так называемого «квазисубъекта».

Новизна исследования заключается в комплексном анализе правовой природы момента начала жизни в контексте квалификации преступлений против жизни, что до настоящего времени получало лишь фрагментарное освещение в научной литературе. В работе осуществляется системное сопоставление теоретических концепций, нормативных подходов, а также анализируются предложения по совершенствованию законодательства с учётом современных биомедицинских реалий.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с необходимостью определения момента начала жизни человека и обеспечением его уголовно-правовой охраны. **Предмет** исследования составляют теоретические, нормативные и практические подходы к определению начала жизни и их влияние на квалификацию убийства и причинения смерти по неосторожности.

Целью исследования является выявление и обоснование юридической значимости момента начала жизни для квалификации преступлений против жизни. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи:

1. проанализировать основные научные концепции момента начала жизни;
2. исследовать международные и российские правовые подходы к определению начала жизни;
3. изучить судебную практику по делам, затрагивающим гибель эмбриона и вопросы начала жизни;
4. проанализировать предлагаемые в науке направления совершенствования действующего законодательства и выдвинуть свое собственное.

Теоретической основой исследования выступают работы отечественных учёных, внесших значимый вклад в разработку проблематики уголовно-правовой охраны жизни: Р. С. Лепилина, Г. Б. Романовского, С. В. Тасакова, Т. А. Вертеповой, В. В. Чугаева, Д. В. Цуркана, В. Н. Куфлевой, И. Я. Козаченко, Д. Н. Сергеева, А. И. Чучаева и других исследователей.

Методологическую базу составляют формально-юридический, сравнительно-правовой, исторический методы, а также методы системного анализа и анализа судебной практики.

Структура работы определяется целью и задачами исследования: она включает введение, две главы, заключение и список использованных источников.

Основное содержание работы. В первой главе «Теоретические основы определения начала жизни человека в РФ и зарубежных государствах» исследуются философские, религиозные, медицинские и правовые подходы к определению момента начала человеческой жизни, а также анализируется отечественный и зарубежный опыт нормативного регулирования рассматриваемой проблемы.

В первом параграфе «Религиозные, философские и медицинские подходы к определению начала жизни» рассмотрены основные концепции, существующие в современной науке и мировоззренческих системах. Установлено, что философские подходы связывают проблему начала жизни с вопросами индивидуализации человека, морального статуса эмбриона и ценности человеческого существования. Особое внимание уделяется представлению об эмбрионе как о развивающемся организме, содержащем потенциал дальнейшего становления личности. Проведён анализ религиозных подходов к определению начала жизни. Выявлено, что христианская традиция рассматривает человеческую жизнь как обладающую ценностью с момента зачатия. Аналогичные тенденции прослеживаются в буддийском и исламском мировоззрении, несмотря на различия в догматических основаниях. Общим для большинства религиозных концепций является признание необходимости защиты человеческой жизни ещё на внутриутробных стадиях развития. Исследованы медицинские подходы к определению начала жизни. Рассмотрены критерии живорождения, закреплённые российским законодательством, а также биологическая концепция, связывающая начало жизни с образованием зиготы. Отдельное внимание уделено нейробиологическому подходу, в рамках которого началом жизни предлагается считать формирование и функционирование центральной нервной системы. Сделан вывод о том, что современная медицинская наука не выработала единого критерия определения начала человеческой жизни, а существующие подходы могут быть сведены к трём основным моделям: жизнь с момента оплодотворения,

жизнь с момента формирования нервной системы и жизнь с момента достижения жизнеспособности.

Во втором параграфе «Правовое регулирование начала жизни в России» проанализированы конституционные, гражданско-правовые, медицинские и уголовно-правовые нормы, определяющие момент возникновения правовой охраны человеческой жизни. Установлено, что российское законодательство связывает возникновение субъективных прав человека с фактом рождения. В соответствии с действующими нормами уголовно-правовая защита жизни начинается после отделения плода от организма матери, вследствие чего эмбрион не признаётся самостоятельным объектом преступлений против жизни. Посягательства, повлекшие внутриутробную гибель плода, рассматриваются через призму причинения вреда здоровью женщины. Вместе с тем выявлены нормы, свидетельствующие о косвенном признании ценности внутриутробной жизни. К ним относятся положения об усиленной ответственности за убийство женщины, заведомо находящейся в состоянии беременности, а также отдельные гарантии, предоставляемые зачатому, но ещё не родившемуся ребёнку в гражданском законодательстве. Проанализированы основные доктринальные подходы к определению правового статуса эмбриона. Рассмотрены концепции признания эмбриона субъектом права, объектом права и квазисубъектом права. Отмечено, что действующее законодательство не закрепляет ни одну из указанных моделей в завершённом виде, вследствие чего регулирование носит фрагментарный характер.

В третьем параграфе «Правовое регулирование начала жизни в зарубежных государствах» проведён сравнительно-правовой анализ подходов различных государств к определению начала жизни и объёму уголовно-правовой охраны плода. Установлено, что в государствах СНГ преимущественно сохраняется модель, связывающая возникновение права на жизнь с фактом рождения. Рассмотрены особенности правового

регулируемого в Республике Беларусь, Китайской Народной Республике, странах мусульманской правовой семьи, Соединённых Штатах Америки, Германии, Италии и Франции. Выявлено отсутствие единого международного подхода к рассматриваемой проблеме. Вместе с тем во многих зарубежных правовых системах прослеживается тенденция к расширению правовой защиты внутриутробной жизни посредством установления специальных ограничений на обращение с эмбрионами, признания плода потерпевшим по отдельным категориям преступлений либо введения специальных составов преступлений, направленных на охрану нерождённого ребёнка.

Во второй главе «Практическая значимость определения начала жизни человека и его значимость при квалификации убийства или причинения смерти по неосторожности» исследуются проблемы действующей российской модели и современные направления совершенствования уголовного законодательства.

В первом параграфе «Основные проблемы российской модели определения начала жизни человека» рассмотрены существующие научные и практические противоречия в вопросе определения момента начала жизни. Установлено отсутствие единого подхода в уголовно-правовой доктрине. Одни исследователи связывают начало жизни с отделением плода от организма матери, другие – с началом самостоятельного дыхания, третьи – с полной физиологической автономией новорождённого. Данная неоднородность подходов оказывает влияние на квалификацию преступлений против жизни. Проанализированы противоречия между различными отраслями российского законодательства. Отмечено, что при формальном отсутствии самостоятельного уголовно-правового статуса эмбриона законодатель одновременно признаёт повышенную ценность внутриутробной жизни через отдельные нормы уголовного, гражданского и социального законодательства. Особое внимание уделено проблеме жизнеспособности плода. Показано, что современные достижения

неонатологии позволяют обеспечивать выживание детей, рождённых ранее установленного законодательством порога жизнеспособности, что ставит под сомнение абсолютный характер действующих критериев живорождения. Рассмотрены вопросы правового режима эмбрионов в рамках вспомогательных репродуктивных технологий. Установлено, что действующее законодательство допускает хранение, криоконсервацию, перенос и иные манипуляции с эмбрионами, что формирует неоднозначность их правового статуса. Проведён анализ судебной практики по делам, связанным с внутриутробной гибелью плода. Установлено, что суды последовательно придерживаются позиции, согласно которой плод не является самостоятельным потерпевшим, а последствия его гибели квалифицируются через вред, причинённый матери. Вместе с тем практика демонстрирует наличие сложностей при оценке деяний, совершённых в отношении ребёнка в процессе родов.

Во втором параграфе «Современные тенденции развития уголовного законодательства, направленные на повышение эффективности защиты внутриутробной жизни» исследованы предложения отечественных и зарубежных учёных по совершенствованию правового регулирования. Рассмотрены концепции уголовно-правовой охраны жизнеспособного плода, предусматривающие установление ответственности за умышленное или неосторожное причинение ему смерти. Проанализированы предложения о законодательном закреплении понятия жизнеспособности и критериев её определения. Исследованы подходы, направленные на усиление ответственности за принуждение женщины к искусственному прерыванию беременности, а также инициативы по установлению ответственности за ненадлежащее оказание медицинской помощи, повлёкшее внутриутробную гибель плода.

Отдельное внимание уделено концепции квазисубъекта права. Установлено, что данная модель рассматривается рядом исследователей как

компромиссный вариант, позволяющий обеспечить дополнительную защиту эмбриона без полного признания его самостоятельным субъектом права

Проведён анализ зарубежного опыта уголовно-правовой охраны внутриутробной жизни. Рассмотрены положения федерального законодательства США и законодательства отдельных штатов, предусматривающие признание нерождённого ребёнка самостоятельным объектом уголовно-правовой защиты. Изучен канадский подход, основанный на сохранении традиционного понимания начала жизни при одновременном использовании специальных механизмов защиты плода.

На основании проведённого исследования сформулированы предложения по совершенствованию российского законодательства, включающие возможность установления уголовно-правовой охраны жизнеспособного плода, уточнение критериев жизнеспособности, расширение механизмов защиты внутриутробной жизни и дальнейшую разработку концепции квазисубъекта права применительно к эмбриону и плоду человека.

Заключение. Проведённое исследование показало, что проблема определения начала человеческой жизни сохраняет дискуссионный характер как в юридической науке, так и в философии, религии и медицине. Отсутствие единого подхода обусловлено сложностью самого объекта исследования, находящегося на пересечении биологических, этических и правовых представлений о человеке и его правовом статусе.

Анализ существующих научных концепций позволил установить, что в современной доктрине отсутствует общепризнанный критерий начала человеческой жизни. Наиболее распространёнными являются подходы, связывающие её начало с моментом зачатия, формированием центральной нервной системы, достижением жизнеспособности либо фактом рождения. Каждый из указанных подходов обладает собственными достоинствами и недостатками, что затрудняет формирование универсальной правовой модели.

Исследование российского законодательства показало, что действующая правовая система связывает начало уголовно-правовой охраны жизни с моментом рождения ребёнка. Эмбрион и плод не признаются самостоятельными субъектами права и объектами преступлений против жизни, а причинение им вреда рассматривается преимущественно через призму нарушения прав и интересов беременной женщины. Вместе с тем законодательство содержит отдельные нормы, свидетельствующие о признании особой ценности внутриутробной жизни, что создаёт определённую внутреннюю противоречивость правового регулирования.

В ходе сравнительно-правового анализа установлено, что зарубежные государства используют различные модели определения начала жизни и объёма правовой защиты эмбриона и плода. При этом во многих правовых системах наблюдается тенденция к расширению уголовно-правовой охраны внутриутробной жизни посредством специальных составов преступлений, признания плода потерпевшим в отдельных случаях либо введения дополнительных механизмов его защиты. Данный опыт свидетельствует о возможности более гибкого регулирования рассматриваемой сферы без полного отождествления правового статуса плода и рождённого человека.

Особое внимание в работе уделено практическим проблемам российской модели. Выявлены правовая неопределённость статуса эмбриона, отсутствие единообразия в доктринальных подходах, несоответствие отдельных критериев жизнеспособности современному уровню медицинского развития, а также пробелы в регулировании случаев внутриутробной гибели плода. Анализ судебной практики показал, что существующие подходы не всегда позволяют обеспечить последовательную и логически непротиворечивую уголовно-правовую оценку деяний, связанных с причинением вреда внутриутробной жизни.

На основании проведённого исследования сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования российского законодательства в рассматриваемой сфере. Перспективными направлениями представляются

законодательное уточнение критериев жизнеспособности, расширение механизмов уголовно-правовой защиты жизнеспособного плода, а также дальнейшая научная разработка концепции особого правового статуса эмбриона и плода. При этом совершенствование законодательства должно осуществляться с соблюдением баланса между необходимостью защиты внутриутробной жизни и сохранением гарантированных законом репродуктивных прав женщины.

Таким образом, определение начала жизни имеет не только теоретическое, но и существенное практическое значение для квалификации преступлений против жизни и здоровья. Развитие медицинских технологий и биомедицинской науки объективно требует дальнейшего уточнения правовых критериев начала человеческой жизни и поиска оптимальной модели её уголовно-правовой охраны, способной обеспечить последовательность законодательства и эффективность правоприменительной практики.